

Об этой связи свидетельствует прежде всего подробное и совершенно недвусмысленное по своим тенденциям, проникнутое горячим сочувствием к митрополиту, изложение истории столкновений между Геронтием и великим князем.¹

Основной вывод, сделанный А. Н. Насоновым, представляется нам вполне справедливым: одним из источников Софийской II—Львовской летописей был, по всей видимости, какой-то летописный памятник, защищавший интересы митрополичьей кафедры. Поскольку известия этого источника не переходят за 1489 (6997) год — год смерти митрополита Геронтия, — можно предполагать, что текст его доходил именно до этого года.

Свод, связанный с митрополитом Геронтием, дошел до нас в составе Софийской II—Львовской летописей в соединении с известиями других, уже знакомых нам сводов. Некоторые известия совпадают здесь с записями Погод. 1409, Соф. I Царск., Новг. Хрон. и отчасти Ермолинской летописей.² Другие известия в Софийской II и Львовской совпадают с таковыми с Типографской летописью.³ Как и когда проникли эти известия в протограф Софийской II—Львовской — сказать трудно: общим источником и той и другой летописи был свод 1518 года (на этом годе прерывается общий текст обеих летописей); известия, сходные с известиями Типографской, Ермолинской и других летописей, могли быть заимствованы как сводом 1518 года, так и предшествовавшей ему летописью 1488 года, связанной с Геронтием. Но даже если эти известия были заимствованы уже в 1488 году, то все равно вторичный характер их в составе промитрополичьего свода 1488 года не вызывает сомнений. Доказательством этого может служить, например, рассказ о „стоянии на Угре“, совпадающий в значительной части в Софийской II—Львовской и в Типографской. В Типографской рассказ этот вполне последователен и лишен внутренних противоречий. Начинается он с известия о выступлении против Ивана III его братьев — удельных князей; причем автор явно смотрит на эти события с общерусской точки зрения, сочувствуя великому князю. Узнав о выступлении братьев в Новгороде, Иван III спешит в Москву: „и ради быша вси людие, быша бо в страсе велице от братии его, все грады быша в осадах, и по лесом бегаючи мнози мерли от студена без велика князя“.⁴ Совершенно иной характер носит изложение в Софийской II—Львовской летописях. Здесь сообщается о мотиве, вызвавшем братьев на выступление; о нарушении Иваном III феодального права „отъезда“ вассалов, причем с явным сочувствием цитируются слова князя Бориса Волоцкого: „что какову силу чинит над ними, что невольно кому отъехати к ним... уже ни за бояре почел братью свою; а духовные отца своего забых“.⁵ Следующий за этим в Софийской II—Львовской текст, сходный с Типографской — получение князем в Новгороде вести о выступлении братьев, общая радость по поводу его приезда, — совершенно неуместен после такого начала. Изложение самого „стояния на Угре“ в Софийской II—Львовской также противоречиво и не-

¹ А. Н. Насонов, ук. соч., стр. 716—719.

² ПСРЛ, VI, стр. 170, 195; XX, стр. 256, 297. Ср.: ПСРЛ, V, стр. 267; VI, стр. 31.

³ ПСРЛ, VI, стр. 191—194 (в Львовской этого рассказа нет), 222—224, 232, 235—236; XX, стр. 336—339, 346—347, 350—351. Ср.: ПСРЛ, XXIV, стр. 188—192, 198—203.

⁴ ПСРЛ, XXIV, стр. 198.

⁵ ПСРЛ, VI, стр. 222; XX, стр. 336.